
Н. ПОЛИЩУК

**ПРИИСКОВЫЕ И ШАХТЕРСКИЕ БЫТОВЫЕ ПЕСНИ
КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ
И БЫТА РАБОЧИХ**

Советские этнографы все в большей мере занимаются изучением рабочих. Организуются историко-бытовые экспедиции в различные промышленные районы, ведется стационарное этнографическое изучение рабочих отдельных индустриальных центров. Обследуются заводские архивы, проводятся беседы со старыми производственниками, изучаются жилище, костюм рабочих, собираются альбомы и другие семейные реликвии¹. К сожалению, до сих пор недостаточно внимания уделяется рабочему фольклору — важному историческому источнику при изучении духовной культуры рабочего класса, содержащему богатый этнографический материал. Это относится ко всем жанрам рабочего фольклора, в том числе и к бытовой рабочей песне, первому по времени возникновения виду песенного творчества рабочих, приобретшему большую популярность. Объясняется это тем, что бытовая песня была своеобразным художественным рассказом о жизни рабочих, условиях работы на производстве, взаимоотношениях рабочих с хозяевами. Характеризуя бытовую рабочую песню, дооктябрьская «Правда» в 1914 г. писала: «Не всякая статья может дать такое содержательное и яркое описание положения золотопромышленных рабочих, как, например, песня, составленная приисковыми рабочими... Жгучие противоречия капиталистического строя, жестокие несправедливости хозяйского и начальнического произвола, все тяготы рабочего бытия — все нашло здесь весьма выпуклое изображение»².

Песни рабочих различных отраслей промышленности отличались друг от друга образами, мотивами, сюжетами, порождавшимися спецификой труда и быта создателей песни. Поэтому бытовая рабочая песня отчетливо делится на ряд тематических групп, или циклов. Большой интерес среди них представляют близкие друг другу песни шахтеров Донбасса и сибирских приисковых рабочих второй половины XIX — начала XX в., отразившие мировоззрение формирующегося рабочего класса.

* *
*

Добыча золота — относительно молодая отрасль промышленности Сибири. Первые золотые россыпи были открыты в Восточной Сибири в 1820—1830-е годы, а в середине прошлого века здесь уже насчитыва-

¹ См.: В. Ю. Крупянская, Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века, «Сов. этнография», 1953, № 1, стр. 64—87; «Историко-бытовые экспедиции 1949—1950 гг.», под ред. акад. А. М. Панкратовой, М., 1953; «Историко-бытовые экспедиции 1951—1953 гг.», под ред. акад. А. М. Панкратовой, М., 1955.

² Р. Раскольников, Рабочая поэзия, «Путь правды», 6 апреля 1914 г.

лось 207 приисков (большинство — в Енисейской, Иркутской и Томской губерниях).

В отличие от горной промышленности, где широко использовался труд крепостных рабочих, на золотых приисках с первых дней их существования в основном работали вольнонаемные. В 1830—1840-е годы подавляющее большинство рабочих составляли ссыльно-поселенцы; в последующие годы усилился приток на прииски переселенцев из Европейской России, а также местных крестьян³.

Уже к 1840-м годам на сибирских приисках образуется армия кадровых приисковых рабочих, которая увеличивается с каждым десятилетием⁴ и играет все большую роль в экономической и политической жизни Сибири.

Труд, быт и мировоззрение приисковых рабочих ярко отразились в их песнях⁵. «Песен этого рода очень много,— писал сибирский фольклорист В. Арефьев,— они распеваются по всей Сибири, и знакомство с ними необходимо для всякого, кто хочет знать условия работы на приисках. Все стороны этой работы затронуты в песне»⁶. Именно поэтому уже с 1870-х годов приисковые песни начинают привлекать внимание исследователей Сибири. Песни приисковых рабочих мы встречаем в книге С. Турбина «Страна изгнания»⁷ и в капитальном исследовании В. И. Семевского «Рабочие на сибирских золотых промыслах»⁸, где эти песни приведены для характеристики положения этой категории рабочих; на страницах сибирских газет⁹ и даже в сборнике произведений сибирских поэтов¹⁰. В середине 1890-х годов приисковые песни записывал в Енисейской губернии ссыльный А. А. Александров. Он прислал в Этнографическую комиссию Русского географического общества два рукописных сборника народных песен Восточной Сибири¹¹, включавших и песни приисковых рабочих.

При сравнении приисковых песен, записанных разными собирателями в 1870—1890-е годы, бросается в глаза устойчивость их сюжетов, четкость ритмики, лаконизм, свидетельствующие об относительно длительном бытовании и шлифовке песен. В приисковых песнях этих лет преобладают три сюжета: наем на работу (встречается крайне ред-

³ Ссыльно-поселенцы составляли: в 1834 г.— 82% всех сибирских приисковых рабочих, в 1847 г.— 68%, в 1850 г.— 53%. См.: В. И. Семевский, Рабочие на сибирских золотых промыслах, СПб., 1898, т. I, стр. XXXI.

⁴ В 1840-х годах некоторые из ссыльно-поселенцев уже по 10, 12 и даже 16 лет провели на промыслах; в 1850-х годах было много рабочих, проработавших здесь более 25 лет, а в 1870—1890-х годах — по несколько десятков лет. См.: В. И. Семевский, Указ. раб., т. I, стр. 162, 269—270.

⁵ Можно предположить, что приисковые песни оформились в особый цикл рабочих песен в середине XIX в., так как к этому времени на сибирских приисках уже могла сложиться своя песенная традиция. О том, что ряд приисковых песен (типа «Молодцы от Мясникова...») сложился к 1850—1860-м годам, свидетельствует и упоминание в них имен крупнейших золотопромышленников 1840—1850-х годов — Мясникова, Голубкова, Асташева. Это предположение подтверждается и тем, что в 1850-е годы политический ссыльный Мокеев сочинил «Песню о разгильдяевщине», по ритмике, речевым интонациям и образам очень близкую к анонимным приисковым песням. Вероятнее всего, это не случайное совпадение, и Мокеев опирался на уже сложившуюся песенную традицию.

⁶ В. Арефьев, К вопросу о сибирской народной песне, «Сибирский сборник», вып. I, Иркутск, 1899, стр. 40.

⁷ С. Турбин, Страна изгнания, СПб., 1872, стр. 169—170.

⁸ В. И. Семевский, Указ. раб., т. I, стр. 697; т. II, стр. 207—208 и др.

⁹ «Сибирская жизнь», 1899, № 198; «Енисей», 1899, № 54, 67, 72, 76, 95 (Запись В. Арефьева).

¹⁰ «Отголоски Сибири». Сборник стихотворений разных авторов под редакцией Ивана Брута, Томск, 1889, стр. 83—86.

¹¹ «Южно-Енисейские приисковые песни, записанные со слов рабочих в 1894 г. и в следующие годы», Архив Русского Географического общества (далее РГО), оп. I, разр. 57, № 29; «Песни села Рыбного Енисейской губернии» (1895 г.), там же, № 21.

ко), описание рабочего дня, встреча в кабачке рабочих с разных приисков.

В песнях с найме и о рабочем дне рассказывается о распределении работ приказчиком¹² об орудиях производства, от трудовых процессах¹³. Песни этого типа по тематике и идейной направленности сходны с рабочими песнями Европейской России. Причиной этого, кроме этнической общности, было совпадение экономического положения, условий труда и быта рабочих разных отраслей промышленности, определившее содержание их песенного творчества.

Наибольший интерес представляет группа песен типа «Молодцы от Мясникова с молодцами Голубкова в кабачке сошлись». Обычно эти песни начинаются с рассказа о встрече в кабачке рабочих, которые, придя с разных приисков, сначала подрались, а «потом разговорились». Центральная часть песен — рассказ о жизни рабочих, начинающаяся строфой:

Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе,
В северной тайге...

— довольно часто исполняется и как самостоятельная песня. Эта строфа, будучи своеобразным «общим местом» приисковых песен, отражает одну из основных особенностей формирования сибирских приисковых рабочих — отсутствие крепостной зависимости. Приискателей нужда заставляла «по собственной охоте» идти «в каторжную работу», и жизнь их была немногим лучше жизни крепостных рабочих. На сибирских приисках царили полный произвол и беззаконие. Недаром в песнях, сложенных там, говорилось:

Приисковые порядки
Для одних хозяев сладки,
А для нас беда.

В этих песнях мы неоднократно сталкиваемся с рассказами о зверской эксплуатации рабочих, выражающейся прежде всего в безмерно длинном рабочем дне:

Там шутить не любят шутки,
Там работаем мы в сутки
Двадцать два часа¹⁴.

Несмотря на явную гиперболизацию, песня недалеко от истины — рабочий день на прииске продолжался 15—16 часов. «...Рабочие должны были выходить на работу поутру не позднее 5-го часа, т. е. „при самом появлении солнца“, и оканчивать ее „по совершенном закате“ его», — пишет В. И. Семевский¹⁵. Выход на работу затемно отражен и в песнях:

¹² Рассчитал он, расписал
По разным работам:
Турфовые, каменные,
Третьи песковые.

...Выдавал он, вор-собака,
Кайлы и лопаты —
Кайлы и лопаты,
Канавы копати
(«Отголоски Сибири», стр. 83—84).

¹³ Мы схватились сгоряча
И давай кайлить сплеча.
...Молодецкою ухваткэй,

Кто кайлой, а кто лопаткой.
...Таратайки накладали,
На машину отправляли...

(Архив РГО, разр. 57, оп. 1, № 29, стр. 5. Эта песня («Приисковая — разрезная») сложена по типу рабочих «дубинушек» центральной России).

¹⁴ В. И. Семевский, Указ. раб., т. II, стр. 208.

¹⁵ В. И. Семевский, Указ. раб., т. I, стр. 14.

Только начало зариться,	Во все горло он ревет:
А будилка уж стучится...	... «Вы, ребяташки, вставайте,
Становой за ним идет	На работушку ступайте» ¹⁶ .

Мотив несправедливого расчета, знакомый нам и по песням «сезонников» и «отходников» центральной России, присущ и приисковой песне:

Много денег нам сулили,
Только мало получили!
Вычет одолел¹⁷.

На сибирских промыслах лавки, как правило, принадлежали хозяевам приисков. Товары отпускались рабочим в кредит, а потом стоимость их вычиталась из заработка. Продукты и товары были плохие, но брали за них втридорога. Об этой косвенной эксплуатации рабочих говорится не только в специальной литературе, но даже в «Большой энциклопедии» за 1904 г. «Эксплуатация хозяевами приисков,— читаем мы там,— выражалась в чрезмерной изнурительной работе, в закабалении рабочих путем выдач провианта и одежды из лавок, в плохом их питании и нездоровых помещениях»¹⁸. Общее место приисковых песен — жалобы на низкое качество продуктов и одежды:

Щи хлебали с тухлым мясом,	Что не проглотишь.
Припивали кислым квасом,	Что за бродни, что за шубка,
Мутною водой.	Что за табачок, за крупка —
Аржанова хлеба корка	Эдакая дрянь! ¹⁹
Станет в горле, как распорка,	

Лейтмотив большинства приисковых песен — мысль, что рабочие добывают богатства другим, а сами обречены на нищенское существование:

Мы пески там промывали,
Людам золото искали,
Себе не нашли²⁰.

Несмотря на то, что в приисковых песнях звучит осознание противоположности интересов рабочих интересам хозяев и разоблачение жестокой эксплуатации,— песни эти могли сложиться только среди рабочих, еще не овладевших пролетарским мировоззрением. Об этом в первую очередь свидетельствует отсутствие в них мотивов борьбы против классовых угнетателей. Подавляющее большинство приисковых песен поражает своей безнадежностью, чувством безысходности положения рабочих. Отсюда — традиционное окончание приисковых песен²¹:

Выьем с горя на остатки,
Поберем мы все задатки,
И опять в тайгу²².

или же

Доброй осени дождемся —	Все вина напьемся.
Домой поплетемся.	Все вина напьемся
В кабачок забьемся,	И опять наймемся ²³ .

¹⁶ Архив РГО, разр. 57, оп. 1, № 29.

¹⁷ «Русская жизнь», 1894, № 50. Записано в 1887 г. Ф. В. Стратоновичем.

¹⁸ «Большая энциклопедия», 1904, т. XV, стр. 643.

¹⁹ Архив РГО, разр. 57, оп. 1, № 29 (№ 4).

²⁰ «Отголоски Сибири», стр. 85.

²¹ Окончание песен отражает реальные факты, имевшие место на приисках. «Некоторые рабочие..., пропив заработанные деньги, на обратном пути в деревнях же селениях, нанимались тут же на зимние приисковые работы,» — пишет В. И. Семевский.

²² «Русская жизнь», 1894, № 50. Записано в 1887 г. Ф. В. Стратоновичем.

²³ «Отголоски Сибири», стр. 84.

Причины этой «безысходности» присковых песен надо искать в жизни их создателей. В конце XIX в. на сибирских приисках неоднократно были волнения, но они ни к чему не приводили²⁴. Поэтому и бунтарские мотивы в песнях ограничиваются мотивами бегства с присков, бывшего своего рода пассивным выражением борьбы:

Мы сыграли на шарманку ²⁵ ,	Что-то будет нам?
Очутились на Черонянке —	Один спьяну, другой сдуру
Чаек пили там.	Да как вздуют нашу шкуру,
А урядничек за нами	Только поудержись.
Гонит с двумя казаками,	Нас одели и обули,
Скоро нас поймал.	У исправника отдули —
Вот исправник с ревизором	«Теперь не уйдут!» ²⁶
По тайге идут с дозором.	

Побеги были обычным явлением на приисках; не случайно надсмотрщик ежедневно по утрам проверял число рабочих:

Поутру нас рано будят,
Хоть устал, так не рассудят,
... Перед нас смотритель встанет.
Он проверит весь народ,
Не ушел ли кто в поход²⁷.

В песнях отражено то обстоятельство, что побеги чаще всего происходили в определенное время года, — «когда запоет кукушка».

Свои силы потеряли,	Как узнали, услышали,
Все Кукушкина мы ждали —	Что явился генерал, —
Скоро ль запоет?	Взрадовались все ²⁸ .

Возможно, отсутствие в нашем распоряжении присковых песен с мотивами активной борьбы частично объясняется тем, что присковые песни в основном записаны от крестьян (только небольшая часть песен, хранящихся в архиве РГО, записана от рабочих).

* *
*

Несколько позднее присковых песен начал складываться близкий к ним по идейному содержанию цикл шахтерских песен Донбасса. Если горнодобывающая промышленность Урала была развита еще в XVIII в. и уже тогда имела постоянные кадры рабочих, то промышленность Донбасса складывалась в основном в середине XIX в., особенно со времени Крымской войны. Основные кадры шахтеров формируются в 1870—1890-е годы за счет населения, стекающегося со всех уголков Европейской России²⁹.

²⁴ Безрезультатность волнений объяснялась слабой сплоченностью и политической отсталостью присковых рабочих. «Серьезному бунту, — пишет В. И. Семевский, — мешает разбросанность промыслов, разношерстность рабочих (ими бывают и люди полноправные, и ссыльные поселенцы, жители Сибири и пришельцы с Восточной окраины Европейской России)». (Указ. раб., т. I, стр. 647).

²⁵ Т. е. убежали.

²⁶ Архив РГО, разр. 57, оп. 1, № 29 (№ 4).

²⁷ Там же, № 29 (№ 5).

²⁸ Там же, № 29 (№ 2).

²⁹ А. Кеннен, Горная и соляная промышленность, «Историческое обозрение промышленности России», СПб., 1883, т. I, стр. 28—29; Э. С. Коган, К вопросу о формировании пролетариата в Донбассе, «Историко-бытовые экспедиции 1951—1953 гг.», М., 1955, стр. 63—80.

Это оказало решающее влияние на шахтерскую песню конца XIX в., которая, в отличие от приисковых песен этих лет, не испытала шлифовки временем, обуславливающей известную устойчивость сюжетов, текстов и ритмики. На эту особенность шахтерских песен указывал в 1887 г. первый их собиратель С. А. Раппопорт (псевдонимы — С. Ан-ский, С. Видьбин). «Эти песни — еще совершенно не установившиеся, — писал он, — одну и ту же песню можно на разных рудниках слышать в нескольких различных вариациях: иной склеивает вместе две песни, другой поет, пропуская многие стихи, а третий, напротив, от себя добавляет отдельные слова или даже целые стихи, большей частью без рифмы и размера. Вообще можно заметить, что эти песни только теперь слагаются и каждый шахтер-поэт вносит в них свою лепту»³⁰. Эта характеристика шахтерских песен полностью подтверждается теми «наиболее цельными и отделанными песнями», которые С. Раппопорт приводит в главе XIV статьи «Шахтерская жизнь»³¹. Из семи текстов, помещенных там, только два представляют собой сюжетные песни³², остальные же — небольшие зарисовки отдельных моментов, связанных с трудом и бытом шахтеров.

В 1880-е годы в Донбассе преобладали шахты с небольшим числом рабочих и слабо развитой техникой, в результате чего нередко были несчастные случаи. Об этом и рассказывается в песне, записанной С. Раппопортом:

Шахтер к шахте он подходит
И бадейщика бранит:
«Ты, бадейщик, вор, мошенник!
Воротные — не зевай,
Воротные не зевай,
В гору бодню подымай!»
Шахтер в бодню стал садиться,
С белым светом он простился:

«Прощай солнце, прощай месяц,
Прощай белая заря,
Прощай белая заря,
Все премилые друзья!»
Они бодню приподняли,
Сел шахтерик и пошел.
Вдруг бадейка всколыхнулась —
В шахту бедный полетел!³³

Мотив прощания с белым светом присущ только шахтерской песне. Он был порожден опасностью труда шахтеров. В песнях 1880-х годов — это преимущественно опасность спуска, а не самой работы. Объяснялось это, по-видимому, тем, что тогда шахты зачастую были неглубоки, случаи обвалов и взрывов редки; значительно чаще обрывались бадьи, что делало спуск и подъем крайне опасными³⁴.

³⁰ Н. В. Алексеева, Г. Н. Успенский. Русская народная песня и ее собиратели, «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», серия филолог. наук, вып. 16, 1949, стр. 220.

³¹ Там же, стр. 220—223.

³² «На Донской земле привольной» и «Лет пятнадцати мальчишка».

³³ Н. В. Алексеева, Указ. раб., стр. 221.

³⁴ Спуск и подъем были механизированы только на отдельных крупных шахтах. Детальное описание такой шахты, ее внешнего вида, спусковой машины мы находим в песне «На Донской земле привольной»:

...Там машины паровые
И канаты драгтяные.
Вниз проведен там шнурок,
Наверху висит звонок.
Только дернешь за шнурок,
Сверху ударит молоток —
Верховой дает свисток.

Не успел он просвितать —
Накопилось — негде стать.
В шахту всех нас швырануло,
Аж под сердечко кольнуло.
Не успел сказать и слово,
Уж кричат: «Слезай, готово!».

(Н. В. Алексеева, Указ. раб., стр. 220—221).

Работали шахтеры в узких низких коридорах на коленях, часто при свете свечей:

День и ночь мы со свечами.
... По продольным мы гоняем
И спины себе сдираем³⁵.

Общее место шахтерских песен, как и присковых,— сравнение работы в шахте с каторгой:

Вечно трудится шахтерик
На коленках под землей.
День и ночь он работает,
Ровно каторжник какой³⁶.

В песне «На Донской земле привольной» мы встречаем один из основных мотивов поздних шахтерских песен — постоянное ожидание смерти; правда, здесь этот мотив еще не разработан и звучит только в одной строке: «Смерть мы носим за плечами».

В 1880-х годах шахтеры в основном вербовались из крестьян-отходников. Среди крестьян существовало поддерживаемое вербовщиками мнение, будто работа на шахте очень доходна, а жизнь — беззаботна и весела³⁷, и в песнях отразилось разочарование людей, узнавших на деле шахтерскую жизнь. Наибольший интерес в этом плане представляет песня, рассказывающая о крестьянском сыне, вернувшемся с шахты, «ровно жулик площадной» — оборванным, без копейки денег. В ней дается предельно сжатая и эмоционально яркая ироническая характеристика материального положения шахтеров:

На шахтерах денег много;
Их лопатами гребут,
Только даром не дают.
Поят, кормят на убой,
Чаем голову хоть мой!
У нас денежки ведутся,
Как водица в решете³⁸.

Не проходят песни и мимо «разгульной» жизни шахтеров, которая воспринимается как неизбежное зло, без которого неммыслима жизнь на шахте:

Что шахтерска жизнь проклята, Кто не ведает про то! ... День и ночь он работает, Ровно в каторге всегда. Придет праздник воскресенье —	Уж шахтер до света пьян. В кабачок бежит детина, Словно маковка цветет, С кабака идет детина, Как лутошечка гола ³⁹ .
--	--

Кабак был единственным пристанищем, где бездомный шахтер, живший зачастую в землянке или казарме и занимавший одно место на нарах с товарищем, работающим в другую смену, мог провести свобод-

³⁵ Там же, стр. 221.

³⁶ Там же, стр. 223.

³⁷ В свое время среди крестьян существовало такое же мнение об отхожих промыслах, о фабриках, заводах. Опровержение его мы находим в ряде «фабричных» песен. Одна из них — «Лет пятнадцати мальчишка» — вошла и в репертуар шахтеров, претерпев здесь незначительные изменения, как об этом говорилось выше.

³⁸ Н. В. Алексеева, Указ. раб., стр. 222.

³⁹ Там же, стр. 222—223. Конец песни почти дословно совпадает с характеристикой мужа-пьяницы в крестьянской песне «Ах, ты хмель...» (См.: А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. II. СПб., 1897, стр. 355—359, №№ 422—425). Такое совпадение не случайно и подтверждает близость ранней шахтерской песни к крестьянской.

ное время. Недовольство жизнью, резко отличающейся от жизни «людей», звучит во всех шахтерских песнях 1880-х годов:

Людям праздник и веселье,	Под забором — вот постель.
А шахтер бежит в кабак,	А продрог он под забором,
Уж назад он с перебором:	Он бежит опять в кабак ⁴⁰ .

Лишь в одной из этих песен — «Волга-реченька шумит» — последние строки говорят об активной вражде к сильным мира сего⁴¹.

Шахтерские песни 1880-х годов отразили первые шаги развития каменноугольной промышленности Донбасса и тот этап формирования нового отряда рабочего класса России, когда он еще не полностью порвал свои связи с крестьянским хозяйством. В этих песнях сказалось мировоззрение, труд и быт тех рабочих, которые, полные надежд на улучшение своей участи, пришли из деревни на рудники и подверглись там самой беззастенчивой эксплуатации.

В 1890—1900-е годы в развитии каменноугольной промышленности Донбасса произошли значительные изменения. Концентрация производства вызвала и концентрацию рабочих на отдельных крупных предприятиях. С каждым годом увеличивался удельный вес кадровых шахтеров, окончательно порвавших с деревней и навсегда связавших свою жизнь с шахтой, вокруг которой теперь сосредоточивались все их интересы. Это повлекло за собой ряд перемен в труде, быте и особенно в мировоззрении шахтеров, что привело к изменению содержания их устно-поэтического творчества, в частности — песенного. К сожалению, о песнях 1900-х годов приходится судить только по записям, сделанным уже в советский период от старых шахтеров Донбасса. К моменту записи эти песни о прошлом Донбасса уже несколько забылись, в результате чего они зачастую представляют собой контаминацию двух-трех сюжетов⁴².

Основные сюжеты шахтерской песни 1900-х годов — рассказ о спуске в шахту, о жизни шахтера (в первую очередь о его труде) и о несчастном случае (смерть шахтера)⁴³. Встречается и песня о крестьянском сыне, уехавшем на заработки, но разрабатывается этот сюжет по-иному, чем в более ранних песнях. Сюжетная схема песен одна — крестьянский сын уехал на заработки и вернулся ни с чем, — но конкретное наполнение ее различно. Песня 1880-х годов⁴⁴ — почти точная копия песни «сезонников». Песня же 1900-х годов⁴⁵ — оригинальное произведение, рассказывающее о тяготах шахтерской жизни. Конфликт песни обостряется показом социального расслоения деревни: «лет пятнадцати мальчишка» нанялся в «батраки» к собственному дяде, который при расчете ободрал его «как липку»⁴⁶. В песне дается развернутое описание рабо-

⁴⁰ Н. В. Алексеева, Указ, раб., стр. 223.

⁴¹ Там же.

⁴² Причина часто встречающейся контаминации заключается, очевидно, в слабой разработке сюжета в шахтерской песне и близости содержания песен, которые без ущерба для смысла можно объединять. Правда, объем песен при этом чрезмерно увеличивается. Например, песня «Лет пятнадцати мальчишка» состоит из 34 куплетов, «На Донской земле привольной» — из 23 куплетов и т. д.

⁴³ Смерть шахтера по-разному рисуется в песнях, созданных в традиции городского романа и в традиции ранних рабочих песен. В первых она результат либо неосмотрительности шахтера («Коногон», см.: А. Иванов, Песни и сказы шахтеров Донбасса, Ростов/Д., 1940, стр. 24—25), либо проклятия его жены («Меня терзает мука», см.: «Литературный Донбасс», 1936, № 6, стр. 84—85), т. е. в конечном счете — случайность. В песнях второго типа смерть шахтера не случайность, а закономерность, вытекающая из опасности его труда.

⁴⁴ Н. В. Алексеева, Указ, раб., стр. 221—222.

⁴⁵ См.: «Литературный Донбасс», 1936, № 6, стр. 80.

⁴⁶ Мотив эксплуататорского расчета трактуется здесь так же, как и в песнях приисковых рабочих, — с шахтера его дядя вычел деньги за все, «что он брал и что не брал».

ты в шахте, в частности работы саночника, которая настолько тяжела, что герой песни, кое-как «год дяде оттягав», решил вернуться в деревню, не дожидаясь зова родителей. Изменились не только содержание песни, но и ее образы, язык, стиль.

В песнях начала XX века на первый план выдвинулась тема труда, развиваемая подробно и многосторонне. Из песен мы узнаем о появлении в шахте новых профессий — «подрывщика» и «вагонщика»⁴⁷, что свидетельствовало о больших переменах в процессе добычи угля. Вместе с тем орудия труда по-прежнему были довольно примитивными⁴⁸, а работа крайне тяжелой. Описание этой работы в песне близко к тому, с которым мы встречаемся в статье земского врача И. М. Лященко: «Обстановка труда углекопа действительно ужасна, — писал он, — работает углекоп в мрачных, темных подземных галереях, на глубине десятков, нередко сотен саженей от поверхности земли, работает при неестественном положении тела, при скудном мерцающем свете коптящей шахтерской лампочки, в сырой, душной, пыльной атмосфере, нередко под постоянным душем от падающих сверху капель воды, иногда по колена, а то и по пояс в воде при температуре в 9—10°... и все это при постоянной опасности быть задавленным, убитым или изувеченным»⁴⁹.

В шахтерских песнях сообщалось о частых обвалах, взрывах, нечеловеческих условиях труда:

Много случаев бывает,
Что шахтеров убивает,
Засыпает их рудой,
Заливает их водой.

И те случаи бывают —
Газ гремучий есть взрывает,
А взрывает он огнем,
Много жертвы тогда в нем⁵⁰.

Мысль о том, что смерть подстерегает шахтера на каждом шагу, стала лейтмотивом шахтерских песен:

... Шахтер рубит со свечами,
Носит смерть он за плечами,

Позади она стоит,
Кулаком ему грозит⁵¹.

Такой образ смерти мог быть создан только теми, кто привык встречать ее каждый день, привык видеть в ней какую-то неотъемлемую часть своего быта. Именно потому, что любой спуск в шахту мог быть последним, в песнях 1900-х годов широкое распространение получает мотив прощания с «белым светом». Этот мотив обычно сочетается либо с рассказом о трагической гибели шахтера при обвале или взрыве на шахте, либо с обобщающей сентенцией:

Вот такая жизнь шахтера,
Нет отрады — всегда горе,

Всегда горе и тоска,
Жизнь шахтера нелегка⁵².

⁴⁷ Все шахтерики спустились,
Разошлись все по делам:
Забойщики по забоям,

Вагонщики по ходам,
Подрывщики по подрывкам,
Саночники по печам.

(«Литературный Донбасс», 1936, № 6, стр. 78)

⁴⁸ День мы кланялись обушкам, зубкам,
Обушкам, зубкам и кайлам, балдам.
Вот мы к вечеру подморилися,

Наворочались, утомилися.
Наши глазунки приморгались,
Смраду, пыли мы наготались.

(«Литературный Донбасс» 1936, № 6, стр. 83)

⁴⁹ «Общественный врач», 1914, № 2, стр. 274.

⁵⁰ «Литературный Донбасс», 1936, № 6, стр. 82. Об условиях труда на шахтах см. также: А. В. З а к с, Труд и быт рабочих Донбасса, «Историко-бытовые экспедиции 1951—1953 гг.», стр. 80—108.

⁵¹ А. И о н о в, Указ. раб., стр. 24.

⁵² Там же.

зость мировоззрения рабочих разных категорий, отразившегося в их песнях.

Большое историко-познавательное значение бытовых рабочих песен состоит в том, что они верно и правдиво отразили историю формирования мировоззрения рабочего класса России. В этих песнях, созданных широкими рабочими массами, отразивших колебания, сомнения, неустойчивость части рабочих, вместе с тем проявились такие особенности классового сознания, как коллективизм, жгучая непримиримая ненависть не только к эксплуататорам, но и ко всему социальному строю царской России,— все то, что явилось основным содержанием рабочей революционной лирики, во многом перекликающейся с бытовой песней.

SUMMARY

Miner's songs of the second half of the 19th century and of the early 20th century are regular «professional» cycles of worker's songs, reflecting the essential features of the outlook, labour and everyday life of the miners of the Donets Coal Basin and the gold fields of Eastern Siberia. While differing in their imagery, plot and details, these songs have similar themes, content and general ideological trend. Both types deal with the labour process, the implements of labour, the working and material conditions of the workers, their attitude to their work and their masters, etc. Although the miner's songs of the period under consideration did not rise to profound social generalizations, they all exposed the inhuman exploitation of workers and breathed of an irreconcilable hatred of the oppressors.
